

О ПРИОРИТЕТАХ СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Т.В. Липатова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
lipatova60@hotmail.com

Статья посвящена лингвистическим исследованиям в области механизмов взаимодействия и взаимосоотнесенности единиц произнесенного или написанного плана, означающих с единицами плана означаемых через посредничество единиц всех промежуточных языковых и внеязыковых планов в акте коммуникации. В ней также делается попытка показать, что конечная причина заключена в своеобразии внутренней формы языковой системы (термин Гумбольдта), от которой зависит техника «изображения» говорящим номинативного содержания типичного предложения и приемы логического вывода слушающим из этого содержания коммуникативного замысла. Автор опирается на методологию научного исследования, созданную системологией, поскольку четкое разграничение номинативного и коммуникативного аспектов рассмотрения содержания, соотнесение внешне ненаблюдаемых планов высказывания с данными в прямом наблюдении планами языкового и внеязыкового сознания, и самое главное, — проблема внутренней формы языка в целом — все это учитывается и последовательно проводится только в рамках системной лингвистики, опирающейся на понятия и философские обоснования системологии.

Ключевые слова: единицы плана означающих (единицы произнесенного плана и единицы написанного плана), единицы плана означаемых (смыслы); «внешняя форма языка», «внутренняя форма языка», номинативное содержание, коммуникативное содержание, акт коммуникации.

Сегодня, когда человечество недвусмысленно осознает значимость идей тех выдающихся ученых, кто в не таком уж далеком прошлом сделал все возможное, чтобы всеми доступными средствами задержать и предотвратить тяжесть приближающегося катаклизма. И хотя многим кажется, что приоритет ответственности принадлежит создателям сверхмощного оружия и губительных материалистических технологий, хочется напомнить им библейское выражение: «вначале было слово».

Хочу обратить внимание на выдающихся ученых, предостерегавших мир от дегуманизации науки. Прежде всего, меня среди них интересуют те, кто принял язык как систему, отражающую другую систему — жизнь природы и человека, кто посвятил свою жизнь «языковому знанию» [1. II. С. 79], под которым понимается «воспринимание и понимание мира в языковых формах» (здесь и далее цитирование Бодуэна де Куртене по [3. С. 135]). Ведь все самое существенное уже на заре человечества было сказано и вложено в язык. Согласно Гумбольдту, «язык — посредник между духом и природой, человеком и миром, и ему небезразлично, что между человеком и вселенной, между основными формами, исходно господствующими в сфере духа, и основными формами внешнего мира существует соответствие. Закономерности языкового строя сродни закономерностям

природы, и язык приближает человека к пониманию запечатленной в природе всеобщей формы» [2. С. 81]. «Язык — одно из главных проявлений духовной силы» [2. С. 48]. «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [2. С. 48].

Познакомившись однажды с синтезирующими системными учениями В. фон Гумбольдта и его последователей в славянских странах И.А. Бодуэна де Куртене, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и Г.П. Мельникова, думающий человек не сможет всерьез не критично принять редуccionистские учения. Тот же думающий человек прекрасно осознает, что абсолютизация релятивизма, тесно связанного с вышеназванными концепциями, привела современное человечество к грани экологического самоуничтожения и к общей деградации человеческой культуры.

Основатель системной лингвистики в России, профессор Геннадий Прокопьевич Мельников, явился продолжателем идей В. фон Гумбольдта, а также лингвистов — последователей школы Гумбольдта: И.А. Бодуэна де Куртене, И.И. Срезневского и А.А. Потебни.

Системная лингвистика — магистральное, традиционное для русского языкознания научное направление, отличается отстаиванием системных методов изучения языковых явлений и синтезирующим способом обобщения языкового материала. В решении конкретных практических задач системная лингвистика всегда опирается на понятие **сущности**. В результате всегда объектом познания остается мир как целое, и теория, объясняющая и описывающая его отдельные аспекты и фрагменты, строится на общих основаниях, что создает возможность для синтеза накапливающихся научных знаний.

Когда происходит отрицание научной ценности категории **сущности**, что характерно сегодня для западных философских и методологических концепций, перечисленных выше, то из поля зрения ученых исчезают многие проблемы, связанные с анализом причинно-следственных связей. Как показано в единственно целостных и последовательно системных работах и в опирающейся на них методологии научного исследования [7], категория **сущности** входит в ряд понятий, соотносимых с таким рядом, как **причина—условие—следствие, форма—материя—содержание**.

Причина как форма воздействует на определенные условия как на материю и приводит к появлению следствия, то есть содержания как материи, приобретшей с помощью причины ту форму, к которой материя была внутренне предрасположена.

Сущность вещи, являясь внутренней причиной свойств вещи, и тем самым ее воздействия на окружающую среду как на условие, ведет к возникновению явления, то есть к проявлению сущности через наблюдаемые изменения свойств среды.

Благодаря наличию в системной лингвистике для языка научно обоснованной в пространстве и во времени системы координат, а также полноты системы лингвистических понятий в соотношении их с компонентами языкового сознания,

в ее теоретическом пространстве четко определено место для понятия **значение** как собственно языкового элемента. И далее, четко осознается различие между **значением** и **смыслом**, что влечет за собой понимание тех онтологических оснований, через которые получают ясное функциональное определение морфемы как языковой единицы.

Системная лингвистика рассматривает язык как многоуровневое, многоплановое, многоаспектное явление, сложную многоаспектную функциональную систему, которая может представлять интерес для исследователей разными своими сторонами, во всей своей полноте: в структурном, субстанциональном, в функциональном и в других аспектах. Критерии значимости, релевантности, существенности свойств компонентов изучаемого объекта зависят от того, по отношению к какой функции мы оцениваем существенность, значимость и релевантность этих свойств.

Мы используем понятие **плана** (точнее — **планов**), через которые язык как система воспринимает воздействие из надсистемы, и, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на надсистему. Сущность понятия плана уже имеется в представлениях В. фон Гумбольдта о соотношении между языком, сознанием и внешней действительностью (далее цит. В. фон Гумбольдта по: [4. С. 41—63]). Язык для Гумбольдта — это специализированный, прежде всего для осуществления коммуникации, особый отдел в сознании, в психике человека — «языковое сознание».

«Языковое сознание» взаимодействует с внеязыковым сознанием и с внешней физической средой. Для такого взаимодействия в языковом сознании по мере освоения языка ребенком или учащимся-иностранцем формируется «два слоя», два попарно связанных множества единиц: единиц «внешних форм» по Гумбольдту (или единиц «плана означающих», единиц образов знаков речевого потока, по Соссюру и Ельмслеву) и единиц «внутренних форм» по Гумбольдту (или единиц «плана означаемых», единиц образов знаков внеязыкового сознания, по Соссюру и Ельмслеву).

Единицы этих двух планов формы задают языковые характеристики единиц субстанции («содержания») плана означающих, т.е. артикулируемых и воспринимаемых речевых знаков. Единицы формы означаемых являются значениями языковых знаков. Они связаны с единицами «внешней формы» ассоциацией по смежности, и с единицами внеязыкового сознания (т.е. единицами субстанции плана означаемых) — ассоциацией по сходству. Следовательно, они выполняют функцию посредования между выражаемым понятием и выражающим его звуком, в который воплощен знак речевого потока. Возможность же ассоциации единиц «внутренней формы» знаков по некоторым чертам сходства с понятиями оказывается обеспеченной тем, что в конечном счете, по Гумбольдту, и элементы «внутренней формы» языковых знаков и выражаемые с их помощью элементы внеязыкового сознания, то есть понятия и иные единицы внеязыковой картины мира, имеют чувственную природу и, следовательно, образность (хотя и необязательно зрительную). Далее см. табл. 1, согласно которой в представлениях Гумбольдта

речевая деятельность протекает при взаимодействии единиц шести планов, из которых три относятся к группе означающих и три — к группе означаемых. Все эти шесть планов учитывались в концепциях речевой деятельности вышеназванных российских языковедов.

Таблица 1

Планы выражения и планы содержания в речевой деятельности

Внешняя физическая среда		Сознание вообще: внутренняя психическая среда			
Планы означающих единиц			Планы означаемых единиц		
Внешние внеязыковые планы		Языковые планы, языковое сознание, язык		Внутренние внеязыковые планы, внеязыковое сознание	
Субстанции плана означающих	Материя плана означающих	Форма плана означающих	Форма плана означаемых	Материя плана означаемых	Субстанция плана означаемых
Представленные (манifestированные, репрезентированные) знаки речевого потока, воплощенные в речевую материю, отдельные носители внешних форм и их цепи	Артикуляционно-акустические условия создания знаков	Внешние формы знаков: морфемы и их цепи	Внутренние формы знаков: значения морфем (и их цепи) — намекатели на смыслы	Предрасположенные к означению единицы внеязыкового сознания — потенциальные смыслы	Означенные единицы внеязыкового сознания, смыслы знаков, т.е. единицы, на которые намекают значения морфем, оязыковленные единицы языкового сознания

Благодаря посредничеству единиц «внутренней формы» язык оказывается способным обслужить бесконечную область мыслимого содержания с помощью конечных средств, конечного состава воспроизводимых и опознаваемых речевых знаков, ибо эти посредники, вступив в отношения сходства, аналогии, то есть намека с единицами внеязыкового сознания, подчиненные «законам содержания, мышления и чувствования», допускают бесконечное и в то же время произвольное употребление звуковых сигналов, внешняя форма которых запечатлена в языковом сознании перечнем «внешних форм» единиц речевого потока.

Гумбольдт видит язык как совокупность «двусторонних форм» и «внутреннюю форму» как посредник между звуком и мыслительным содержанием. Но конечная цель познания сущности языка для него заключается в раскрытии «внутренней формы языка в целом», как специфического органического инструмента общения.

Главными единицами планов языкового сознания (плана формы означающих и плана формы означаемых), т.е. той части сознания, которая специализирована для эффективной коммуникации, являются морфемы, то есть минимальные единицы внешней формы языка, и минимальные единицы внутренней формы языка — абстрактные образы, через которые морфемы ассоциируются по сходству со смыслами, единицами плана субстанции означаемых, то есть с единицами и фрагмен-

тами внеязыкового сознания человека, его отраженной в психике личной картиной внешнего и внутреннего мира.

Понятия «предикации», «номинации», «актуализации», «номинативного смысла» и «коммуникативного замысла», и то, как они трактуются в системной лингвистике, автор раскрыл в других своих работах [4; 5 и др.]. В данной работе только напоминает, что «предикация, как логический акт» трактуется через понятия системологии: один фрагмент знания, выступая в функции формирующего начала — предикатора, содействует преобразованию предрасположенного к этому другого фрагмента знания — предиканда, и результатом такого процесса формирования — предикации является изменившийся, обновленный предиканд, предикат предикативного акта.

Внутреннюю форму языка флективного строя (и, конкретнее, русского) системная лингвистика формулирует как событийную [6; и другие работы школы Мельникова], т.е. требующую, чтобы общая схема номинативного смысла типичного высказывания соответствовала картине развивающегося события. Говорящий, путем сопоставления исходного образа фрагмента внеязыкового сознания слушающего с тем образом этого фрагмента, который должен явиться результатом коммуникативной предикации, получает возможность определить, через динамику развития какого события можно изобразить процесс преобразования исходного фрагмента внеязыкового сознания в результирующий измененный; какие партиципаны, то есть субъекты, объекты или их внешние и внутренние черты должны быть обязательно введены в поле зрения слушающего. При этом учитывается их родовидовая классификация, схемы их взаимодействия и присущие им релевантные свойства.

Избранный номинативный смысл планируемого высказывания становится тем смысловым инвариантом, выраженность которого становится критерием приемлемости, допустим, того или иного варианта при выборе языковых средств выражения этого номинативного смысла.

Благодаря догадке о коммуникативно значимых мотивах выбора говорящим данной внешней формы слушающий определяет, как преломить этот смысл и распределить коммуникативно значимые предикативные роли между полученными частями номинативного смысла, чтобы они вступили в коммуникативно-предикативное взаимодействие как предикатор и предиканд, чтобы осуществился окончательный коммуникативный акт, предикатом которого явится догадка слушающего о замысле говорящего, а высказывание перейдет в разряд «сообщений» и обеспечит переход знания, принадлежащего лишь одному из коммуникантов, в «общее» для них обоих знание в их картине мира.

Детали перечисленных процессов раскрываются через широкое использование понятий каноничности. Внутренняя форма языковой системы в целом вполне соотносима с искусствоведческим понятием канона.

Здесь, стараясь рассмотреть проблемы, связанные с механизмами коммуникации, не поддающимися непосредственному наблюдению в плане феноменологических явлений, автор стремится выделить черты иной непротиворечивой картины процессов реального речевого общения.

Мы беремся за решение такой сложной задачи, потому что опираемся на конкретизированное понимание «внутренней формы» языка в целом, и через нее на «внутреннюю форму» содержательных единиц каждого из языковых уровней и планов, а также на эксплицитную формулировку различий между «внутренними формами» разных языков (в нашем случае русского и английского). Этот анализ называется системно-типологическим.

Как уже упоминалось, особенностью «внутренней формы» русского языка является номинативный смысл типичного предложения, построенного по схеме развивающегося события, включающего в себя образы инициатора, его инициального действия, а также группу партиципантов, часть из которых представляет собой непосредственных участников события — актантов (прямой объект, адресат, орудие действия и др.), а часть — участников, «обстоящих это событие (различные обстоятельства).

Английский язык, в свою очередь, являющийся тоже индоевропейским языком флективного типа, в силу исторических причин утратил чистоту индоевропейской внутренней формы. В нем основательно разрушена тенденция выражать развивающееся событие, поэтому номинативный смысл типичного английского предложения строится по схеме номинативной фрагментарной картинки, изображающей «осколок события».

Все сказанное подтверждается примерами, взятыми из художественной литературы, например:

В тени высокой липы, на берегу Москва-реки, недалеко от Кунцева, в один из самых жарких летних дней 1853 года лежали на траве два молодых человека [8. С. 3].

Имплицитным запросом читателя, стимулировавшим данное высказывание, является возможный вопрос: что важного вы хотите сказать своим произведением? Хотя не исключено, что автор сам видит другой запрос или стимулирует его своим произведением: где происходит то, что станет в ходе повествования важным и где лучше увидеть героев — инициаторов событий, кто они. И, зная, каким будет его замысел, автор выбирает логический путь перехода от запроса к замыслу, руководствуясь требованиями детерминанты русского языка передать содержание высказывания как развивающееся событие.

Однако особенности запроса таковы (у нас запрос на обстоятельства), что сюжет не может быть построен по схеме развивающегося события, так как обстоятельства не могут быть инициаторами события. Но автор, зная заведомо, что нарушает сюжетную событийность, строит такой сюжет, в котором в качестве предиканда в плане единиц означаемых даны имена обстоятельств разного рода (места, времени), а также название инициального действия, а в составе предикатора (единицы плана означаемых) и в рематической части предложения (в единицах плана означающих) даны только имена истинных инициаторов.

Автор создает псевдособытие, так как инициальное действие «лежали» представляет собой скорее состояние, чем действие. Что заставляет автора пойти на подобный компромисс, создать столь напряженное как в номинативном, так и в коммуникативном отношении высказывание? По-видимому, этого требует замысел.

Чтобы убедиться в этом, попробуем воссоздать образ предиката из взаимодействия образов предиканда и предикатора. Оказывается, все перечисленные в предиканде обстоятельства являются, во-первых, детерминирующим условием их «лежания», а во-вторых, все их дальнейшие действия, ощущения и т.д. будут восприниматься читателем через призму этого обстановочного ракурса, а это позволяет автору дать более полную характеристику героям и ввести читателя в обстановку происходящих событий более естественно, как бы удовлетворяя собственный читательский запрос.

Итак, создав напряжение в области сюжетной событийности, нарушив, таким образом, все событийные планы, а именно: интонационный, позиционный (позиционной темой стала группа обстоятельств), формальный (форма коммуникативной темы отличается от типичной формы истинной темы). Но в результате этих напряжений автор решает более важные для него задачи: якобы естественно удовлетворяя имплицитно стимулированный им же самим запрос читателя на обстоятельства события, он особо выделяет сюжетно-инициальных героев всеми средствами: интонационно, сюжетно, позиционно, формально, только сделав их частью предикатора.

Хочется обратить особое внимание на этот определенный художественный прием, который при помощи системно-типологического анализа легко вскрывается и помогает определить поэтические задачи не только данного произведения или стиля И.С. Тургенева, но и дать прекрасные результаты для поэтики как раздела лингвистики.

Английское высказывание, данное в качестве перевода выше проанализированного высказывания, будет следующим:

On a hot summer day in 1853, two young men lay in the shade of a tall lime-tree by the river Moskva, Not far from Kountsevo [9. P. 7].

Переводчик пошел иным путем, нежели писатель. Он создал менее напряженное с точки зрения английской внутренней формы высказывание, расставив псевдоинициаторов, их инициальные псевдодействия, а также других партиципантов по их, свойственным им согласно этапам развития события, позициям, то есть попытался не отступить от формы типичного английского предложения-высказывания. В результате предикат английского высказывания отличается от предиката русского высказывания тем, что акцент делается не на героях и обстановке, а на их псевдодействии, что сразу нарушает событийную канву всего дальнейшего повествования.

Но в данном случае переводчика нельзя обвинить в отсутствии языкового чутья или достаточного знания языка. Детерминанта английского языка (фрагментарная событийность с ее жестким порядком слов) не позволила вложить пластичный образ русского высказывания в менее пластичную, частично потерявшую способность передавать тончайшую языковую пластику английскую форму.

Тем самым мы лишь иллюстрируем возможности системно-типологического анализа, опирающегося на «внутреннюю форму» языка в целом, позволяющего рассмотреть механизмы реальной коммуникации, не поддающиеся непосредственному наблюдению в плане феноменологических явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по языкознанию. Т. I—II. М., 1963.
- [2] *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- [3] *Зубкова Л.Г.* Лингвистические учения конца XVIII — начала XX века. Развитие общей теории языка в системных концепциях. М.: Изд-во УДН, 1989.
- [4] *Липатова Т.В.* Влияние своеобразия внутренней формы языка на межплановые взаимодействия в процессе формирования высказывания (на материале русских и английских сопоставлений): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- [5] *Липатова Т.В.* К вопросу о планах языковой деятельности // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». № 1. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 32—37.
- [6] *Мельников Г.П.* Принципы и методы системной типологии языков: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1990.
- [7] *Мельников Г.П., Преображенский С.Ю.* Методология лингвистики: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1998.
- [8] *Тургенев И.С.* Накануне. М.: Художественная литература, 1978.
- [9] *Ivan Turgenev.* On the Eve (translated by Stepan Apresyan). М.: Raduga Publishers, 1989.

PRIORITIES OF SYSTEMIC LINGUISTICS

T.V. Lipatova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
lipatova60@hotmail.com

Appeal to mechanisms of communication reveals an interaction in communicative act between pronounced and written units and their mental doubles reflected in psyche. The author maintains that “the inner form of a language as a whole” (W. von Humboldt) makes a nominative content and a predicative logic process in a sentence unique. The author proceeds from the methodology of scientific research within systemology as a strict distinction of nominative and communicative content aspects, correlation of directly unobserved domains of utterances with directly observed planes of language and non-language conscience and the most crucial thing — the inner form of language as a whole could be properly treated and investigated only within systemic linguistics and philosophical systemology.

Key words: the plan of denoted units (pronounced and written units), the plan of units that are denoted (senses); “outer form of language”, “inner form of language”, nominative content, communicative content, communicative act.

REFERENCES

- [1] Baudouin de Courtenay I.A. Izbranny trudy po yazykoznaniyu. T. I—II. М., 1963.
- [2] Humboldt W. von. Izbranny trudy po yazykoznaniyu. М., 1984.
- [3] Zubkova L.G. Lingvisticheskiye ucheniya kontsa XVIII — nachala XX veka. Razvitiye obschey teorii yazyka v sistemnykh kontseptsyakh. М., 1989.
- [4] Lipatova N.V. Vliyaniye svoeobraziya vnutrenney formy yazyka na mezhplanovye vzaimodeystviya v protsesse formirovaniya vyskazyvaniya (na material russkikh i angliyskikh sopostavleniy): Diss. ... kand. filol. nauk. М., 1995.

- [5] Lipatova T.V. K voprosu o planakh yazykovoy deyatelnosti // Vestnik RUDN. Seriya ‘Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika’, 2015, no 1.
- [6] Melnikov G.P. Printsypy i metody sistemnoj tipologii yazykov: Diss. na soisk. uchen. stepen. doctor. filol. nauk. M., 1990.
- [7] Melnikov G.P., Preobrazhenskiy S.Yu. Metodologiya lingvistiki. Uchebnoje posobiye. M., 1989.
- [8] Turgenev I.S. Nakanune. M.: Khudozhestvennaya literature, 1978.
- [9] Ivan Turgenev. On the Eve. M.: Raduga Publishers, 1989.